

Михаил Черненко

Тайна старого колодца

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=438225
Архивное дело: романы: Вече; М.; 2010
ISBN 978-5-9533-4567-5*

Аннотация

«Антон увидел перемазанные илом кости и пожелтевший оскаленный человеческий череп.

Медников, надев резиновые перчатки, присел на корточки и взял одну из костей. Антон тоже было наклонился, но, почувствовав брезгливость и какой-то страх, быстро выпрямился и подошел к колодцу. Долго глядел на обвалившиеся края, на примятый вокруг колодца бурьян, сдвинутые в сторону почерневшие толстые бревна...»

Содержание

1. Задание подполковника	4
2. Старый колодец	7
3. Свидетель номер один	11
4. Несбывшиеся надежды	14
5. Граф-Булочкин	18
6. Заключение экспертизы	23
7. Матросское письмо	26
8. Жених-заочник	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Михаил Яковлевич Черненко

Тайна старого колодца

Светлой памяти друга

Владимира Григорьевича Гроховского

1. Задание подполковника

«...Когда я сделал им замечание о необходимости вести себя в общественном месте приличнее, они предложили выйти из клуба и выяснить отношения. Я не струсил перед молокососами. Их увязалось за мной пятеро. В связи с неравностью сил мирным путем выяснить отношения не удалось, пришлось троем распечатать носы, и только после этого хулиганы уgomонились. Своей вины в рукоприкладстве не вижу, потому как весь вечер молокососы искали приключений, ну и, как поется в одной песне, „кто ищет, тот всегда найдет“.

То, что был я немного выпивши, не отрицаю. Как бывший моряк, выпил по случаю Дня Военно-Морского Флота. В чем и расписываюсь.

И.И. ГАВРИЛОВ».

Задумчиво посмотрев на крючковатую роспись, Антон отложил объяснительную и взял заявление потерпевших. В левом углу, наискосок, была резолюция старшего инспектора уголовного розыска капитана Кайрова:

«Бирюкову! Сделать Гаврилову серьезное внушение. До каких пор он будет пьянствовать и дебоширить? Обязательно оштрафовать».

Антон вздохнул... Вот чем приходилось заниматься... После института он попросил направление в район, где родился и вырос, надеясь, что здесь ему – специалисту с высшим образованием – будут поручать сложные дела. По простоте душевной он при первом же разговоре сказал об этом своему непосредственному начальнику капитану Кайрову.

– Сразу в Наполеоны метишь? – усмехнулся тот.

– На каждого Наполеона всегда найдется Кутузов, – отпарировал Антон. – В Наполеоны мне ни к чему, хочу быть самим собой.

Смуглое с тонкими черными усиками лицо Кайрова нахмурилось, он смахнул с рукава форменной тужурки пушинку и сказал неопределенно:

– Поживем – увидим...

До начала рабочего дня оставался целый час. В районном отделе милиции было прохладно и тихо. Молчал телефон. Посмотрев на свернутый в клубок телефонный шнур, Антон снял трубку и неторопливо стал его раскручивать.

Когда шнур выровнялся, опустил трубку на аппарат, и не успел убрать руку, как телефон задребезжал. От неожиданности Антон даже вздрогнул.

– Бирюков? – услышал он в трубке голос начальника райотдела подполковника Гладышева. – У тебя срочные дела есть?

– Кроме трех распечатанных... извините, разбитых носов, ничего нет.

– Хулиганство?

– Так точно. Опять Гаврилов Иннокентий Иванович драку устроил. Вы его должны знать. Здоровый такой, рыжий. Экспедитором в райпо работает.

– Кто его не знает... Где Кайров?

– Должен вот-вот появиться.

Подполковник помолчал. Антон представил, как насупились его густые брови, и тут же услышал вопрос:

– Ты село Ярское знаешь?

– Так точно.

– Бывал там?

– В детстве. Я же родился и вырос в Березовке, что у Потеряева озера. А Ярское напротив, за озером.

– Правильно. Сейчас мне звонил председатель колхоза из Ярского, Маркел Маркелович Чернышев. Вчера они у себя в хозяйстве стали чистить старый, заброшенный колодец и вместе с илом достали человеческие кости.

– Как они туда попали? – удивился Антон.

– Поручаю на этот вопрос ответить самому. Чернышев скоро будет здесь, в райцентре. Заедет за тобой. Позвони в больницу, предупреди Бориса Медникова. Он у нас медицинским экспертом по таким делам выступает. Надо бы из прокуратуры представителя взять, но там сейчас ни души: кто в отпуске, кто в командировке.

Подполковник замолчал. Несколько раз почти у самой телефонной трубки, похоже, чиркал спичкой – должно быть, прикуривая.

– Нераскрытых преступлений, связанных с жертвами, у нас не числится, – снова заговорил он. – Однако этот случай придется расследовать. Может быть, кому-то ловко удалось спрятать концы, а возможно, случайность... Оступился, допустим, человек и угодил в заброшенный колодец. Возможно, вообще какую-то древность отрыли, у нас в практике был такой случай.

– Колодец давно заброшен? – спросил Антон.

– Лет пять или семь. Чернышев тебе кое-что расскажет, а там смотри по ходу дела. Понадобится, оставайся на завтрашний день в Ярском. Только обязательно мне позвони, – подполковник опять вроде бы чиркнул спичкой. – А дело о разбитых носсах Кайров пусть поручит Голубеву. Вопросы есть?

– Никак нет.

– Желаю успеха.

Антон тут же стал звонить в больницу. Договорившись с Медниковым, отодвинул телефон и откинулся на спинку стула. Представив, как вспыхнет Кайров, когда узнает о задании подполковника, поймал себя на мысли, что боится, как бы Кайров сам не взялся вести дело. «Если так, пойду к подполковнику. Надо же когда-то за настоящее браться. Целый месяц разной мелочовкой занимаюсь, просвета не видно», – запальчиво подумал Антон и стал прикидывать в уме возможные версии.

В коридоре послышались четкие торопливые шаги, хлопнула дверь соседнего кабинета – Кайров появился на работе. Антон взял заявление потерпевших и объяснительную Гаврилова и пошел к своему непосредственному начальнику.

Кайров выслушал внимательно, потрогал мизинцем полоску усов и недовольно сказал:

– Поражаюсь способности нашего шефа выискивать душещипательные дела. Помню, несколько лет назад при раскорчевке поля в колхозе «Гранит» вот так же разрыли скелет. По настоянию Гладышева, мой предшественник несколько месяцев пластался, строгаща схлопотал за нарушение сроков расследования. Дело же выеденного яйца не стоило. Оказалось... разрыли старую могилку.

– Может... – начал было Антон, но Кайров перебил:

– Может – надвое ворожит. У тебя в голове еще студенческая романтика, детективный интерес, а у меня работа, за которую я, как старший инспектор уголовного розыска, несу ответственность. Мне, родной мой, игра в Шерлока Холмса боком выходит, – он ребром ладони провел по горлу. – Она у меня вот тут сидит!

Антон положил перед Кайровым бумаги и упрямо закончил свою фразу:

– Может, оно и так, товарищ капитан. Только приказ начальника – закон для подчиненного.

– Это конечно, – подтвердил Кайров и постучал пальцем по объяснительной Гаврилова. – А вот от таких дел напрасно нос воротить. Чтобы понять психологию преступника, надо начинать с малого. Мне, например, прежде чем поручили серьезное расследование, несколько лет пришлось пустяками заниматься.

– Видимо, я нетерпеливей, чем вы.

– Вот это и плохо. В уголовном розыске должны работать люди взрослые.

– Молодость – недостаток, который с годами проходит, – задиристо сказал Антон, но тут же перешел на уставной язык: – Разрешите выполнять задание подполковника, товарищ капитан?

– Выполняйте, лейтенант, – сухо ответил Кайров, чуть помолчал и добавил: – Только здорово не увлекайтесь. Помните, что и текущую работу кому-то делать надо.

2. Старый колодец

Хирургу районной больницы Борису Медникову едва перевалило за тридцать, но он уже заметно поседел и раздался в поясе. По натуре из тех добряков-флегматиков, которых почти до глубокой старости знакомые называют не иначе как по имени и запросто ведут доверительные разговоры, зная, что на них можно смело положиться. Медников был отличным хирургом, хорошо разбирался в человеческой психологии, знал уйму анекдотов, любил поговорить и никогда не имел своего курева.

Когда Антон вернулся от Кайрова в свой кабинет, Борис уже сидел там, поставив перед собою на стол баул с медицинскими принадлежностями.

– Дай закурить, – вместо приветствия встретил он Антона.

Антон развел руками:

– Не курю, Боренька.

– Правильно делаешь. Я вот тоже бросаю. Скоро поедем?

– Как Чернышев появится, председатель колхоза из Ярского.

– В таком случае пойду у ребят стрельну сигаретку.

– Посиди лучше здесь, – удержал его Антон.

– Курить охота, аж уши пухнут.

– А ты отвлекись, расскажи что-нибудь.

Медников кашлянул.

– Что тебе рассказать? Нам бы, ни минуты не теряя, давно пора мчаться на место происшествия. Мы же с тобой председателя Чернышева ждем. Пока доберемся до Ярского, день пройдет. А ты от меня будешь требовать качественной экспертизы.

– Случай такой, что оперативность не поможет.

– Убили кого?

– Не знаю. Приедет Чернышев, кое-что расскажет, – Антон сел на свое место, облокотился на стол и, подперев ладонями подбородок, спросил: – Боря, какого ты мнения о Кайрове?

– Хорошего. А что, забирает он тебя?

– Нет вроде... Понимаешь, по-разному мы с ним на работу смотрим, – Антон задумался. – Порою мне кажется, что Кайров повинность в уголовном розыске отбывает...

– Во куда хватил! Ваше расхождение во взглядах мне понятно. Ты, как молодой орлик, – Медников часто помахал ладонями, – не жалеешь крыльев. С одинаковой яростью готов бросаться и на мышонка, и на джейрана. А Кайров – старый беркут. Силы напрасно не тратит. Высмотрит, прицелится и... хоп! Готово. Конечно, и у Кайрова есть свои слабости. Нрав у него крутой, самолюбивый – это многих от него отталкивает. Но, как криминалист, скажу тебе, Кайров – голова. Ему крепкие орешки по зубам...

Чернышева пришлось ждать больше часа. За это время Медников высказал свое мнение о девальвации доллара, «установил» подлинного убийцу президента Кеннеди и, стрельнув все-таки у ребят сигаретку, с наслаждением стал наполнять узкий инспекторский кабинет табачным дымом. В разгар этого занятия и появился Чернышев. Поздоровавшись с Медниковым, как со старым знакомым, он протянул загоревшую до черноты жилистую руку Антону и, не выпуская его ладони из своей, удивленно спросил:

– Никак, Игната Бирюкова сын?

Антон кивнул головой.

– Ну, голубчик, тебя без паспорта опознать можно. Копия бати: лоб упрямый, глаза, что небо голубое. Судя по плечам, и силушка батина досталась, а? Игнат-то в молодости однажды на спор годовалую телушку кулаком по лбу приласкал, та и копытца отбросила.

Медников захохотал:

– Не знал, что лично знаком с потомком русского богатыря.

Чернышев повернулся к нему:

– Истинную правду говорю. Силен его батя в молодости был, ох силен! – и заторопился: – Ну, поехали, голубчики, поехали. Дорогой поговорим. Мой «опель-председатель» урчит у подъезда.

«Газик» промчался мимо железнодорожного вокзала, встряхнулся на рельсах переезда, вильнул по окраинным улочкам райцентра и, оставляя за собой разрастающийся шлейф пыли, вырвался на широкое, со щебеночным покрытием, шоссе. Только после этого сидевший рядом с шофером Чернышев обернулся к Антону и спросил:

– Значит, осуществил свою мечту?

– Какую? – не понял Антон.

– Рассказывал мне Игнат, что ты еще в детстве любил разные тайны разгадывать.

– А-а... – улыбнулся Антон. – Осуществил.

– Вот у нас тебе тайна и подвернулась. По порядку рассказывать или вопросы будешь задавать?

– По порядку.

– Не знаю, насколько мои предположения правильны, но, думаю, случай с нашим колодцем заслуживает внимания, – начал Чернышев. – Находится колодец в двух километрах не доезжая Ярского и метрах этак... в двадцати левее дороги, по которой сейчас едем. У нас в том месте культстан, как мы его называем. Небольшой домик. В страдную пору механизаторы живут в нем. Работают-то от зари до зари, каждый час дорог. Ну и, значит, чтобы не мотаться каждый раз домой да из дому, время экономят. Много лет из того колодца брали питьевую воду, пока однажды не вытащилидохлогокота. То ли по этому поводу, то ли по другому, не помню, колодец забросили, стали воду из родничка брать. Последние годы на культстане никто не жил, и о колодце вообще забыли. А нынче сенокос трудный. То раздождится, как на пропасть, то жарыша невозможная ударит.

Чернышев замолчал, полез в карман за папиросой. Медников не упустил случая «стрельнуть».

– Поэтому и решили колодец восстановить? – поторопил Антон.

– Да, решили вычистить его. Пригнали автокран с грейферным ковшом и... вместе с илом вытащили человеческие косточки, – Чернышев прикурил и передал коробок спичек Медникову. – Вот тут-то и самое интересное. Во-первых, если бы человек попал в колодец раньшекота, его сразу бы обнаружили, во-вторых, послекота случайное попадание в колодец исключено, так как он был прикрыт бревнами. Правильно?

– Вполне.

– Зря я не пошел в следователи. Загубил талант, – Чернышев повернулся к Медникову, подмигнул: – Правда, Боря?

– Абсолютно точно, – подхватил шутку Медников. – Я давно приметил в вас, Маркел Маркелович, детективную жилку.

– Ты тоже, как погляжу, детектив. Все с милицейскими разъезжаешь. На этот раз придется поломать голову. Что, к примеру, ты по останкам можешь определить, а?

– Многое...

– А вот доводилось мне в одной брошюрке читать, как наш ученый Герасимов портрет Ярослава Мудрого по черепу воспроизвел. Ты сможешь такое сделать?

– Чего не могу – того не могу. В этой области равных Герасимову нет.

– Жаль, – Чернышев разочарованно вздохнул, несколько раз затянулся папиросой. – Послали бы ему череп, поднятый из колодца, и...

– Порадовали бы его, – с улыбкой вставил Медников.

- Не улыбайся. Случай-то серьезный.
- Есть более серьезные, Маркел Маркелович.
- Оно, конечно, – согласился Чернышев и замолчал.

«Газик» вовсю пылил по шоссе. Щебенка дробно выщелкивала по днищу машины, в неукатанных местах зло шипела под колесами. Обдавая пылью, изредка проносились встречные грузовики. С обеих сторон дороги, насколько хватал глаз, беспечно зеленели набравшие силу всходы, кое-где темнели березовые колки. Проскочив поля, машина подкаатила к густому хвойному лесу, окружавшему широким кольцом Потеряево озеро, и нырнула в узкую, как ущелье, просеку.

Стало сумрачно. Укрытая от солнца плотной кроной деревьев дорога была влажной. Машина поминутно вздрагивала на корневых, словно ребра, выступавших из наезженной колеи. Около часу ехали молча, занятые каждый своими думами.

Лес кончился неожиданно. Солнце ослепительно ударило в глаза, и с обеих сторон проселочной дороги потянулась яркая, с бело-розовыми пятнами цветущего клевера, равнина. У самой ее кромки на фоне голубого неба показалась поднятая стрела автокрана. «Газик» перемахнул через неглубокий придорожный кювет и, продавив в клевере жирную колею, остановился у культстана.

– Вот и приехали, – устало погладив поясницу, сказал Чернышев, когда все вылезли из машины.

Звонко стрекотали кузнечики. Зависнув точкой в безоблачном голубом небе, протяжно тянул песню жаворонок. Густо пропитанный медово-клеверным настоем воздух рябил в глазах от знойного марева.

Антон огляделся. У колодца чернела расплывшаяся куча ила, успевшего сверху подсохнуть. Рядом с ней, на траве, что-то было прикрыто брезентом.

Чернышев приподнял край брезента. Антон увидел перемазанные илом кости и пожелтевший оскаленный человеческий череп.

Медников, надев резиновые перчатки, присел на корточки и взял одну из костей. Антон тоже было наклонился, но, почувствовав брезгливость и какой-то страх, быстро выпрямился и подошел к колодцу. Долго глядел на обвалившиеся края, на примятый вокруг колодца бурьян, сдвинутые в сторону почерневшие толстые бревна.

– Что задумался? – подойдя к нему, тихо спросил Чернышев. – С чего начинать будешь?

– Придется спуститься, – Антон показал рукой в колодец. – Вербка есть?

– Найдется, – Чернышев повернулся к шоферу, который с любопытством наблюдал за Медниковым. – Сеня, у тебя в багажнике веревка была. Неси-ка ее сюда.

– А к-комбинезон и резиновые с-сапоги надо? – заикаясь, спросил шофер.

Чернышев утвердительно кивнул и посоветовал Антону:

– Переоденься.

Пока Антон переодевался, Чернышев с шофером привязали веревку к крану и свободный конец ее сбросили в колодец. Для порядка попробовав, прочно ли привязана веревка, Антон поплевал на ладони и осторожно стал спускаться.

Бревна колодезного сруба прогнили. Чувствовалось, как они мягко сдают под ногами. Плотный, застоявшийся запах ударил в нос. Упершись ногами и спиной в противоположные стенки колодца, Антон слегка расслабился, стараясь пересилить подступившую к горлу тошноту.

– Ты жив там?! – заглянув в колодец, крикнул Чернышев.

Антон поднял голову – до поверхности было около трех метров. Он спустился еще на метр и почувствовал под ногами воду. В сумраке колодца смутно можно было различить густую жижу, осклизшие бревна сруба. Антон несколько минут внимательно осматривал

стенки, но, кроме свежих борозд, оставленных на бревнах грейферным ковшом при чистке, ничего не увидел.

– Ну что там?! – снова крикнул Чернышев.

– Ничего! – громко ответил Антон и поразился, как глухо прозвучал его голос, – узкая горловина колодца словно не хотела выпустить его на волю.

Здесь, в глубине, стояла глухая тишина. Казалось, наверху замерла жизнь, насторожилась.

«Без веревки отсюда ни за что не выбраться», – подумал Антон и торопливо стал подниматься из колодца.

3. Свидетель номер один

Он появился у колодца незаметно. Сняв старомодный картузишко, низко наклонил гладкую, как бильярдный шар, голову и заискивающе проговорил:

– Здрасьте, граждане-товарищи. Бог в помощь...

– Здорово, Кузьмич, – ответил Чернышев и смерил удивленным взглядом шуплую фигурку старика. – Ты что это сюда приплелся?

– Дак вот... – замялся старик. – Слышь-ка, Маркел Маркелыч, в деревне антересную историю сказывают: будто бы из колодца человека достали.

– Кто сказывает?

– Дак вся деревня говорит. А я к таким историям сызмальства антересом страдаю.

– Страдал бы себе на печке.

– Зря, Маркел Маркелыч, сердисься, – старик погладил макушку. – Я этот колодец очень хорошо знаю и свидетелем номер один могу стать.

– Когда понадобится... – начал было Чернышев, но Антон перебил его:

– Извините, Маркел Маркелович. Мне интересно с дедом побеседовать.

– Интересно – беседуй. Только он тебе нагородит – семь верст до небес и все лесом. – Чернышев погрозил старику пальцем: – Смотри, Кузьмич! За ложные показания и пенсионеров судят.

Старик обиженно заморгал:

– Неужто я без понятия, Маркел Маркелыч?

– Ты и с понятием соврешь – дорого не возьмешь. Ладно, беседуйте. Пойду культстан погляжу.

– Давно колодец вырыт? – спросил старика Антон.

– Дак, слышь-ка, я тебе точно скажу, – старик посмотрел вслед Чернышеву. – И Маркел Маркелыч не даст соврать. Вырыт колодец в одна тысяча девятьсот тридцать восьмом году. Дата точная, потому как собственлично принимал участие в его рытье. Из-за своего верткого роста в самой глуби рыл, здоровым мужикам трудно было там развернуться.

Антон хотел задать еще вопрос, но старик говорил не прерываясь:

– И опять же из-за своего любопытства рыл. Думал, антересное отрою. Тут, слышь-ка, такая история, – старик показал на клеверное поле: – Во-о-он там курганы... Видишь?

Антон посмотрел по направлению, указанному стариком, быстро насчитал на поле семь едва приметных холмиков.

– Дак вот, сказывают, в них захоронены воины Ермака Тимофеевича. В этих местах у него битва с татарами состоялась. Сейчас курганов ровно семь, а было ровно восемь. Один перед Отечественной войной разрыли. Из Новосибирска люди приезжали. Все лето рыли. Наши колхозники помогали, а я, можно сказать, помощником номер один был. Даже от Маркела Маркелыча неприятность поимел. Он до войны уже у нас председательствовал и при людях тогда меня оконфузил. Сказал: «Надо в колхозе, Кузьмич, работать, а не придуриваться. Ермака без тебя откопают». Только я не в обиде за эти слова. Молоденьким совсем тогда был Маркел Маркелыч...

Чтобы прервать словоохотливого деда, Антон спросил:

– Вас как зовут, дедушка?

– Меня-то? – растерялся старик. – Егором... Егор Кузьмич, по фамилии Стрельников.

– Так вот, Егор Кузьмич, насколько я знаю историю, Ермак до этих мест не доходил.

– Дак, слышь-ка, истории ведь люди пишут. Они очень легко ошибиться могут. Большие ученые мировых стран и те ошибаются, – старик надвинул картуз на пригретую солнцем лысину. – Вот в одном журнале было сообщение...

- Что же вы искали при рытье колодца? – опять прерван старика Антон.
- Остатки ермаковских воинов. Антересовало меня, здоровше или нет в те давние времена люди были.
- И что же?
- Ничего не нашел. Далеко от курганов рыли.
- Экспедиция из Новосибирска тоже ничего не нашла?
- Старик поморщился и махнул рукой:
- Так кое-что... Глиняные черепушки разные.
- В каком году забросили колодец?
- В одна тысяча девятьсот шестьдесят шестом, – не задумываясь, ответил старик и уточнил: – Тринадцатого сентября.
- У вас отличная память, – поразился Антон.
- Вышло такое совпадение, что аккурат в эту дату я подался на пенсионный отдых.
- Шестьдесят лет исполнилось?
- Как тебе сказать... – старик замялся. – Шестьдесят-то годков мне раньше стукнуло, а в эту дату старуха настояла. По глупому женскому уму оконфузила меня перед начальством. Баба она у меня с норовом, об этом все Ярское знает.
- Отчего колодец забросили?
- Кот в нем утопился. На культстане общественный такой здоровущий котина жил, по прозвищу Мономах. Вот он, должно быть, ночью и сбulyкал в колодец.
- Как же его обнаружили?
- Старик долго поправлял на голове картуз.
- Дак очень просто. Кажись, Витька Столбов поутрянке зацепил бадьей и выволок на свет Божий.
- Какой Столбов?
- Я ж говорю, Витька, тракторист нашенский, который на днях свадьбу гулять собирается. Парень, слышь-ка, работающий. Вот только, как жениться задумал, сладу не стало. Маркел Маркелыч который день уже его в соседний колхоз на помощь отправить не может. Бугаем уперся Витька и не едет, все канпрессию у трактора ремонтирует. Опять же и обвинять парня нельзя – за теперешними невестами глаз да глаз нужен...
- Кот в колодце долго лежал? – опять вынужден был прервать старика Антон.
- Вечером видели живого, а утром из колодца достали. Вот история, – старик кашлянул и без перехода спросил: – Неужто человека кто угробил?
- Антон промолчал.
- Страсть любопытно, как человек в колодец попал, – не дождавшись ответа, снова заговорил старик. – Без вести у нас никто не терялся. Злодеев, которые могли из приезжих кого порешить, в нашенском селе нет. С Гражданской войны об убийствах не слыхали. Да и в Гражданскую особенных случаев у нас не было. Вот в Березовке, за Потеряевым озером, случались антересные случаи. Село там раньше бойкое было, на тракту стояло. Разный люд через него шел. Трактир опять же в Березовке имелся...
- Егор Кузьмич Стрельников говорил не умолкая, но Антон почти не слушал его. Он старался найти хотя бы слабенькую зацепку, с которой можно начать следствие. Однако никакой зацепки не было. Подошел Медников, кое-как стянул с потных рук перепачканные илом перчатки, бросил их на траву.
- Дай заку... – начал было он и, посмотрев на Антона, махнул рукой: – Хотя... ты ведь не куришь.
- Что там разглядел? – спросил Антон.
- Все перемешано. Череп вроде проломлен. Такое впечатление, что кости отрыты из-под земли. Придется в Новосибирск на экспертизу их отправлять.

Антон невесело улыбнулся, пошутил:

– А что американские эксперты по данному поводу сказали бы? Помнится, ты как-то восторгался ими.

– Тут и хваленая японская разведка ни черта не разберет.

– Может, старое захоронение разрыли?

– Кто знает, – хмуро ответил Медников. – Вообще-то, похоже, кости пролежали в земле не больше десятка лет, хотя это только предположение всего-навсего.

Вернувшийся к колодцу Чернышев ругнул пытавшегося заглянуть под брезент Егора Кузьмича и решительно отправил его в деревню. Когда тот, сторбившись от обиды, заковылял к дороге, Чернышев посмотрел на Антона и спросил:

– Что дальше будем делать?

Антон показал на кучу ила:

– Рыться в грязи. Может, выроем что-нибудь.

– Л-лопату надо? – подал голос шофер Чернышева и смущенно пригладил ладонью задорный белобрысый чуб.

Антон кивнул, и шофер пошел к машине.

В иле попадались иструхшие щепки колодезного сруба, погнутые ржавые гвозди, концы проволоки, битое стекло и основательно истлевшие клочья какого-то тряпья. Было непонятно, как весь этот хлам попал в колодец. Полностью перелопатив вынутый из колодца ил, нашли позеленевшую пряжку от флотского ремня и металлическую пуговицу с выдавленным на ней якорем.

4. Несбывшиеся надежды

Солнце уже прижималось к горизонту, когда председательский «газик», разогнав с дороги кур и гусей, пропылил по Ярскому и остановился у почерневшего дома-пятистенника с резным крыльцом. Над крыльцом – полинялая вывеска: «Правление колхоза». Длинная, вытянутая по сибирскому обычаю в одну линию, деревня казалась безлюдной. Только у конторы лениво урчал ярко-синий трактор «Беларусь». Откинув одну половину капота, в моторе копался плечистый русоволосый парень. Заметив председательскую машину, он быстро опустил капот и с виноватым видом стал торопливо вытирать пучком сорванной травы перемазанные маслом руки.

– Столбов! Голубчик! – открыв дверку «газика», крикнул Чернышев. – Ты уедешь сегодня или нет?

– Я что? Я хоть сейчас... – насупившись, смутился парень. – Только хочется не на ремонт к соседям ехать, а работать. Сколько раз говорил вам, кольца в одном цилиндре поизносились, еле восстановил компрессию.

– Ну, теперь-то уедешь?

– Конечно.

– Это он собирается жениться? – спросил Чернышева Антон. – Мне узнать у него кое-что надо.

Чернышев вышел из машины и махнул Столбову рукой, чтобы тот зашел в контору. У Антона еще возле колодца наметился план предстоящего разговора со Столбовым, и, когда Чернышев оставил их в своем кабинете одних, он сразу приступил к делу. Усевшись за председательский стол и предложив сесть Столбову, спросил:

– Как вы обнаружили в колодце кота?

– В каком колодце? – Столбов нахмурился, достал из кармана пачку «Беломора». – Никакого кота я не обнаруживал.

– У культстана, – подсказал Антон.

– У культстана?.. – Столбов открыто посмотрел Антону в глаза, спокойно прикурил и, потупившись, стал сосредоточенно разглядывать свои новенькие кирзовые сапоги. – Сто лет я там не был. Не пойму, чего вы от меня хотите?

Сказал именно «хотите», а не «хочете», как говорят многие. «Кажется, грамотный парень», – подумал Антон и попросил:

– Не торопитесь с ответом, припомните.

– Нечего мне припоминать, никаких котов я не доставал.

«Соврал болтливый старик», – с неприязнью подумал Антон об Егоре Кузьмиче Стрельникове, но решил не отступать от намеченного плана.

– Мне известно, что осенью шестьдесят шестого года, точнее – тринадцатого сентября, вы достали из колодца у культстана дохлого кота, – упрямо повторил он.

– Осенью шестьдесят шестого?... – Столбов посмотрел исподлобья. – Я про то уж забыл. Думал, недавнее что пытаете. Ну, было такое.

Антон повеселел.

– Расскажите, как это произошло.

– Что тут рассказывать? Утром зачерпнул воды из колодца и вместе с ней дохлого кота вытащил.

– Видел это кто-нибудь из колхозников?

– Вроде все видели, кто на культстане был.

Столбов отвечал грубовато. Прежде чем ответить, жевал мундштук папиросы, думал, будто взвешивал каждое слово. Разговор явно ему не нравился. Антон подметил это и решил, что называется, «ударить напрямую».

– Вчера из колодца кости человека подняли...

«Удар» не произвел на Столбова ни малейшего впечатления. По-прежнему сосредоточенно рассматривая сапоги, он с ухмылкой равнодушно спросил:

– Ну а кот здесь при чем?

– Мог ли в колодце оказаться незамеченным труп человека, когда вы достали оттуда кота?

– Нет, конечно, – Столбов опять ухмыльнулся и пояснил: – Я бы тогда воды не зачерпнул, ее там с гулькин нос было.

– А сам колодец каким был?

– Колодец как колодец. В лопухах весь. Бадья деревянная всегда рядом стояла. Воды, говорю, в нем мало было, да и та для питья не годилась.

Для Антона это уже было новым.

– Почему? – быстро спросил он.

– Плесневелая была. Колодец-то еще при царе Горохе вырыли. С тех пор ни разу не чистили, вот вода и зацвела в нем. Брали ее только для заправки тракторов и машин да так... например, пол в культстане помыть или еще что-нибудь. А за питьевой водой уж сколько лет ходили к роднику.

– Вы для чего в тот раз воду доставали? – Антон нетерпеливо постучал по столу пальцами. – Припоминайте детали, подробности.

– Помню, с вечера дождь начался. Холод. Средине сентября стояла. Убирали пшеницу, помню...

– Там же клеверное поле, – перебил Антон.

– Клевер лет пять как высеяли, а в шестьдесят шестом, точно помню, пшеница была, – уточнил Столбов и, как ни в чем не бывало, продолжил: – Осень тогда дождила, из-за слякоти чуть не целыми днями простаивали. Сырую-то пшеницу жать не будешь. В то утро вроде прояснило. Все спали, а я поднялся часов в шесть. На стареньком самосвале тогда работал, радиатор у него подтекал. Хотел подремонтировать. Воду выпустил. Когда ремонт закончил, пошел за водой, чтобы в радиатор залить. Черпанул из колодца и... кота вместе с водой достал.

– Если воду из колодца для питья не применяли, зачем же после кота колодец потребовалось закрывать?

– Побоялись, что кто-нибудь из людей так же, как кот, в него сыграет.

– Такое могло случиться?

– Запросто. Особенно ночью. Колодец-то не огорожен был.

Антон насторожился – дело принимало другой оборот.

– Вы сказали, что, когда вытащили кота, в колодце труп человека находиться не мог. Сразу после случая с котом колодец закрыли бревнами. Когда же в него труп попал?

– Откуда я знаю, – Столбов осторожно стряхнул в ладонь папиросный пепел, помолчал. – Только колодец-то после кота закрыли не сразу, а, наверное, через неделю. Быть может, за это время кто и ухнул туда.

– Через неделю?

– Может, поменьше, но только не сразу. Помню, перед тем как закрыть бревнами, я в него самосвал земли ссылал.

– Земли? Откуда?

– Школу у нас строили, котлован под фундамент рыли. Бригадир приказал мне заехать на стройку, нагрузить экскаватором земли и засыпать колодец. Одну езду сделал. Надо бы

еще разок или два привезти, чтобы полностью засыпать, а у строителей, как на грех, экскаватор сломался. Тогда и решили бревнами сверху закрыть.

«Вот откуда в колодце всякий хлам. Но флотская пряжка, пуговица, кости человека?.. Попали они с землей от школы или...» – подумал Антон и спросил Столбова:

– Вместе с землей кости могли попасть в колодец?

Первый раз за время разговора Столбов улыбнулся, но улыбка эта получилась какой-то виноватой.

– Если бы знал, что через столько лет попаду на допрос, перерыл бы в кузове всю землю, которую мне насыпали, – сказал он. – Но я уж этого не знал ни сном ни духом. Ухнули в кузов пару ковшей земли, привез ее к колодцу и шуранул туда. Самосвал ведь лопатой не разгружают.

– Постарайтесь хоть что-нибудь еще припомнить, – уже умоляюще попросил Антон.

– Я ж говорю, не рассчитывал попасть на допрос.

Антон поднялся из-за стола, подошел к окну и, глядя в него, сказал:

– Это не допрос. Мне хочется узнать ваше предположение, как человеческие кости могли попасть в колодец?

– Какое может быть предположение. Убивать у нас некому. Разве, какой прохожий по пьянке свалился... Только я, например, не помню, чтобы у нас в округе кто-то бесследно терялся. – Столбов отогнул рукав комбинезона, посмотрел на часы. – Ехать вообще-то мне надо. Затянул с ремонтом, председатель и так уж сердится.

Легко на помине, в кабинет заявился Чернышев. Разведя руками, он с упреком уставился на Столбова:

– Витька, голубчик, ты уедешь сегодня или нет?

– Я что? Я хоть сейчас... – Столбов взглянул на Антона.

– Все еще не переговорили? – Чернышев устало опустил на свое место за столом. – Ох, заждались нашей помощи соседи. У вас еще надолго разговор?

– У меня все, – сказал Антон. – Пусть едет.

Столбов быстро поднялся, подошел к двери и на секунду задержался, будто хотел что-то сказать.

– Поехали, голубчик, поехали, – нетерпеливо махнул ему Чернышев. – Да, смотри, не подведи наших. Работай как дома!

– Когда я подводил? – хмуро проговорил Столбов и вышел.

– Толковый парень, – кивнул в сторону двери Чернышев. – Не вовремя только жениться надумал, сенокос на носу, а он свадьбу затевает.

– Уж очень неразговорчивый, – заметил Антон.

– Это точно. Разговор из него хоть клещами вытягивай. Еще один такой «говорун» у нас есть. Сенька Щелчков – шофер, который сегодня нас возил. Правда, тот, как испорченный электрорезак: трезвого не включишь, пьяного не выключишь. Ну, Сенька понятно – на трезвую голову своего заикания стесняется, а этот складно говорить умеет. Как-то на общем собрании подзавелся. Так, скажу тебе, такую речугу закатил, что все рты пораскрывали! А пока не заведется, молчит. Хорошо – молчит, плохо – тоже молчит, – Чернышев устало потер виски. – Что вытянул из него?

– Воду, оказывается, из колодца для питья не брали...

– Как не брали?

– Плесневелая была, – словами Столбова ответил Антон и коротко пересказал содержание разговора.

Чернышев долго сидел молча, тер белые от седины виски, словно у него сильно болела голова.

– Это для меня новость, – наконец сказал он. – А кто давал команду землей колодец засыпать?

– Говорит, бригадир.

– Ведерников? Вот хрыч – мне ни слова об этом.

Чернышев задумался, и Антон услышал, как нудно бьется об оконное стекло крупная муха. Тяжесть несбывшейся надежды навалилась на Антона. Еще утром хотелось взяться за сложное дело, которого ждал с первого дня работы. Вспомнилось, как после разговора с подполковником радостно екнуло сердце, как боялся, что за расследование возьмется Кайров. Утром казалось, стоит приехать в Ярское, ухватиться за конец ниточки, и пойдет, и пойдет распутываться клубок забывшегося от времени преступления. Вместо этого – день проходит, а ни ниточки, ни клубка и в помине нет. Сплошной туман. Кости пожелтевшие, может, им сто лет в субботу будет. Упоминал же Кайров подобный случай. Опять же – флотская пряжка, пуговица с якорем...

– Маркел Маркелович, – Антон резко повернулся к Чернышеву. – У вас в селе есть бывшие моряки?

Чернышев задумался.

– Вроде бы нет. Танкисты есть, саперы, ракетчики, – начал перечислять он. – Пехоты – царицы полей полно. Даже летчик есть – сын бригадира Ведерникова, а моряков не могу припомнить. Нет у нас моряков.

– Значит, пряжка и пуговица не с землей от школы в колодец попали?

– Этого утверждать не могу. После Отечественной войны у нас каких только пряжек и пуговиц не было! Фронтовики этих сувениров полным-полно навезли. И не только пряжки да пуговицы. У Ведерникова, помнится, года четыре на огородном пугале эсэсовские мундир и фуражка при всех регалиях красовались, – Чернышев улыбнулся. – Все птицы ведерниковский огород стороной облетали.

Появившееся внезапно у Антона предположение отпало так же быстро, как возникло.

5. Граф-Булочкин

Рабочий день еще не начался, и, как всегда в такие часы, в райотделе было тихо и прохладно. «План следствия», – отчетливо написал на чистом листе Антон, аккуратно подчеркнул заголовок и вспомнил где-то вычитанное, как один из маститых писателей, положив перед собою чистый лист бумаги для нового романа, испытывал ужас от предстоящей работы. «Писателю было проще, он мог писать свои романы десятилетиями, а расследование – душа винтом – надо закончить в установленный законом срок», – подумал Антон, вздохнул и, сняв телефонную трубку, набрал номер Бориса Медникова. Несмотря на ранний час, Медников был на работе, но утешить ничем не мог – заключение областной экспертизы раньше трех дней и ждать было нечего.

Без пяти девять позвонила секретарь начальника райотдела, пригласила на оперативное совещание. На всякий случай Антон завернул в бумагу пуговицу и пряжку, взял их с собой и вышел из кабинета. В коридоре столкнулся с инспектором уголовного розыска Славой Голубевым – он тоже спешил на совещание. Крепко пожав Антону руку, Голубев спросил:

– Говорят, серьезное дело получил?

– Зря не скажут...

– Ты вот вчера в отъезде был, а мы тут комсомольское собрание провели, – обычной своей скороговоркой зачастил Голубев. – Обсуждали вопрос солидарности. Постановили: в трудных делах помогать друг другу. Так сказать, коллективом трудные дела тянуть. Коллектив – это сила! Согласен? Так что ты давай, если помощь нужна, не стесняйся и говори.

– Пока ничего не надо.

– Смотри, как говорится... – Голубев весело подмигнул. – Чтобы после разговоров не было.

Народу в кабинете начальника райотдела набилось битком, собрались даже участковые. Сидели переговариваясь. Подполковник что-то сосредоточенно читал.

Найдя с трудом свободные стулья, Антон тихо шепнул Голубеву на ухо:

– Пора начинать, мы пришли.

Голубев не понял шутки, оглядел присутствующих и так же тихо ответил:

– Кайрова нет. Вот педант – ровно в девять явится.

Антон посмотрел на часы и стал следить, как минутная стрелка заканчивает свой круг. Едва она коснулась последнего деления, дверь тихо отворилась, и в кабинет вошел Кайров – чисто выбритый, щеголеватый. Прошел через кабинет, кивнул всем и молча сел на свое излюбленное место, у стола начальника. Подполковник оторвался от чтения, обвел собравшихся взглядом и заговорил:

– Я собрал вас ненадолго. Областное управление разыскивает одного залетного рецидивиста. Предполагают, что он причастен к убийству женщины, личность которой пока не установлена. Убийство совершено в Новосибирске. Подробную ориентировку на разыскиваемого пришлют завтра, а пока сообщаю вам основные приметы. Рост – метр семьдесят, сухощав, густые рыжие волосы, лицо горбоносое, смуглое, с признаками наркомании.

– Есть предположение, что появится у нас? – спросил Слава Голубев.

– Уже появился. Вчера в полночь был на квартире главврача районной больницы и требовал наркотика, – подполковник помолчал. – Учтите, рецидивист не районного масштаба. Прикатил не то из Одессы, не то из Ростова-на-Дону. По последним сведениям, имеет паспорт на фамилию Булочкина, кличка – Граф, – он заглянул в листок, который до этого читал. – Я распределил между всеми объекты для наблюдения.

Антону досталась городская аптека, Славе Голубеву – участок, прилегающий к железнодорожному вокзалу, и сам вокзал.

Перед тем как закончить оперативку, подполковник попросил Кайрова и Антона остаться. Когда они остались в кабинете вдвоем, спросил:

- Что вчера выездил, Бирюков?
- Почти ничего, товарищ подполковник.
- Почему не позвонил из Ярского? Я же просил тебя.
- Нечего было докладывать.

Антон покраснел. «Первое замечание уже схлопотал», – отметил он про себя, подал подполковнику завернутые в бумагу пряжку и пуговицу и стал рассказывать о проведенном в Ярском дне.

– Ведерникова следовало допросить, – разглядывая пряжку, сказал подполковник. – Почему он тянул с закрытием колодца? Это же явное нарушение техники безопасности, подсудное дело.

– Я полагал, что надо дождаться заключения медицинской экспертизы, и уж после того, если будут основания, возбуждать уголовное дело. Преждевременным допросом побоялся насторожить бригадира.

– М-мда... – густые брови подполковника хмуро сошлись у переносицы. – На будущее запомни, если я прошу информировать о ходе дела, то это вызвано не праздным любопытством или мелочной опекой. У меня нет привычки опекать следственное отделение и уголовный розыск, но чем занимаются мои сотрудники – я должен знать, – подполковник повернулся к Кайрову. – Так, капитан?

Кайров утвердительно наклонил голову. Подполковник показал ему пряжку:

– Что об этом думаешь?

– По всей вероятности, случай аналогичен тому, когда при раскорчевке поля в колхозе «Гранит» разрыли старую могилку. Помните?

– А если преднамеренное убийство?

– Надо расследовать, – пожав плечами, ответил Кайров.

– Кому поручим?

– Поручите мне, товарищ подполковник, – непроизвольно вырвалось у Антона.

– Вот оптимист! – Кайров засмеялся. – Строгача за просрочку схватишь – куда твоя бодрость денется.

Подполковник строго посмотрел на него:

– Не надо строгачами запугивать подчиненных, капитан.

– Я не запугиваю, Николай Сергеевич, – Кайров, будто подчеркивая перед Антоном близость отношений с подполковником, назвал его по имени-отчеству. – Я лишь хочу предупредить Бирюкова, чтобы не рассчитывал на легкий успех. Распутать такое дело даже опытному криминалисту нелегко, а Бирюкову тем более. Опыт у него не ахти какой.

– Да... Спусти рукава тут ничего не добьешься, – согласился подполковник, повертел в руках пряжку и вдруг ободряюще подмигнул Антону: – Что касается опыта, то это дело наживное. Кстати, – вдруг вспомнил он, – труп женщины, о которой я упоминал на оперативном совещании, был сброшен в канализационный колодец.

Подполковник аккуратно завернул в бумагу пуговицу и пряжку, передал их Антону и посоветовал:

– Сходи-ка в военкомат и выпиши там все адреса моряков, которые живут в нашем районе.

Из кабинета подполковника Кайров вышел первым. Пройдя по коридору несколько шагов, он обернулся к идущему следом Антону и сочувствующе сказал:

– Взял ты, родной мой, на себя обузу. Но это к лучшему: оскомину набьешь – поумнеешь.

С улыбкой сказал Кайров, вроде бы не в упрек, но на душе у Антона вдруг стало мутно, противно заворочалось сомнение. Захотелось вернуться к подполковнику и сказать, что, мол, сдуру напросился на непосильное дело. Однако тут же заговорило самолюбие: зря, что ли, в институте учился? Нет опыта... Опыт – дело наживное, как сказал подполковник. Правильно сказал! Надо гореть на работе в хорошем смысле этого слова, а не тлеть, как тлеет Кайров. Все у него без сучка, без задоринки – никакого интереса! «Нет, капитан, кровь из носа, а тайну старого колодца разгадаю», – упрямо решил Антон.

Он сел за свой стол и, энергично придвинув к себе телефон, стал звонить в аптеку – не появлялся ли там Граф-Булочкин?

Управляющий аптеки, узнав, что звонят из милиции, заволновался.

– Знаете, – не дослушав Антона, заговорил он, – вчера, перед самым закрытием, этот гражданин взял у нас по рецепту пять пробирок с таблетками мепробамата.

– Не заметили, куда он направился из аптеки? – спросил Антон, словно это имело какое-то значение.

– К сожалению, нет. Хотя посетитель сразу показался мне странным. Этакая неприятная рожа наркомана. Дрожащие руки, землистый цвет лица, глаза мутные и все такое...

– С какой целью применяют мепробамат?

– Это лекарство импортного производства. Рекомендуются для успокоения нервной системы при сильных волнениях. Доза: по одной-две таблетки на прием.

– Зачем же ему так много понадобилось?

– Видимо, глушит возбужденные нервы. Этим-то он и привлек мое внимание.

– Кем выписан рецепт?

– Областной поликлиникой. На фамилию... не то Бубликов, не то Булочкин.

Сомнений не оставалось. Попросив управляющего, если где-то встретит странного посетителя, немедленно сообщить дежурному милиции, Антон на всякий случай позвонил в больницу, затем переговорил со всеми заведующими медицинскими пунктами, номера телефонов которых были в справочнике. Ни к кому из них Граф-Булочкин не наведывался.

Незаметно промахнуло полдня. Перед обедом Антон заглянул к дежурному. У телефона скусающе сидел Слава Голубев.

– Ничего пока нет, – ответил он на вопрос. – Да и вряд ли этот «граф» днем объявится. Думаешь, он дурак? Кстати, знаешь, сколько было случаев, когда областные работники звали преступников, а наши брали их как сусликов! Видел, как сегодня подполковник всех на ноги поднял? А коллектив – это сила! Согласен?

– Точно, Славочка, – Антон улыбнулся. – Ну, я пошел на обед, а потом – прямо в военкомат.

Военком – худощавый, с большими залысинами майор, выслушав Антона, спросил:

– И милицию что-то к морякам потянуло?

– Почему – и милицию? – сделав ударение на «и», в свою очередь, задал вопрос Антон. – Разве еще кто интересовался моряками?

– Вчера один гражданин моряка Юру искал.

– Что за гражданин?

– Кто его знает. Мы не милиция, паспорта не проверяем.

– Для чего ему этот Юра потребовался?

– Давние друзья, сказал. Только фамилию вспомнить не мог. Хотел его в вытрезвитель направить, да некогда было. Заявился – лыка не вяжет, – военком открыл картотеку. – Тебе всех моряков или тоже Юру?

– Всех.

– Всех так всех. У нас их не густо.

Военком пересчитал и подал Антону восемь учетных карточек. «Гаврилов Иннокентий Иванович. Воинское звание „мичман“, – прочитал Антон в одной и заглянул в графу „Домашний адрес“, чтобы убедиться, тот ли это Гаврилов, который „распечатывал“ молоко-сосам носы. Адрес совпадал. Антон вспомнил рослую фигуру Гаврилова с огненно-рыжей шевелюрой и усмехнулся тому, как иногда случай сводит людей.

Ни один из моряков не жил ни в Ярском, ни даже близко от него. Не было среди них и с именем Юра. Вздохнув, Антон отложил последнюю карточку, задумался, и вдруг, по необъяснимой ассоциации, рядом с Гавриловым возник рыжеволосый Граф-Булочкин, каким он представлялся по словесному портрету, сделанному подполковником на утреннем оперативном совещании.

– Скажите, товарищ майор, – обратился Антон к военкому, – как выглядел этот... который моряка Юру искал?

– Худой, длинный, – занимаясь своими делами, ответил военком. – Собственно, я к нему не приглядывался.

– А волосы у него какие?

– Густые... по-моему, рыжеватые, – военком не сдержал любопытства: – А что случилось?

– Областное управление разыскивает опасного рецидивиста. Похоже, он-то и наведывался к вам.

– Что ж вы раньше молчали?! – возмутился военком. – Милиция называется. Я бы его под пистолетом привел!

– Сами только сегодня утром узнали, – виновато сказал Антон.

– Плохо ваша служба работает, коль этот гастролер вас опережает, – военком досадливо рубанул рукой воздух. – Как сердце чувствовало! Уже было трубку телефона взял, чтобы вызвать патруль из вытрезвителя, а потом думаю, пусть катится на все четыре стороны, – и в сердцах ругнул себя: – Вот шляпа!

Весь остаток дня Антон пытался логически обосновать связь между Графом-Булочкиным, моряком Юрой, флотской пряжкой, пуговицей и колодцем. Раздумывая, чертил на бумаге кружки и стрелки. От кружка „Граф“ стрелка упиралась в кружок „Юра“, затем в „Пряжку, пуговицу“ и ныряла в „Колодец“.

Первый и последние кружки Антон обвел жирными линиями, а кружок „Юра“ – пунктиром. Моряка с таким именем в районе не было, но он должен быть, коль его ищет Булочкин. Следовательно...

Резко звякнул телефон – подполковник срочно приглашал к себе. Едва Антон вошел в его кабинет, как он спросил:

– Предполагаешь, Булочкин был в военкомате?

– Так точно.

– Сейчас мне звонил военком. Оказывается, этот рыжий тип ищет в нашем районе какого-то моряка не первый раз. В прошлом или позапрошлом году – точно военком не помнит – он уже был у них с подобным же вопросом.

– Ребус какой-то, – сказал Антон.

– Уголовному розыску сплошь и рядом с подобными ребусами приходится сталкиваться. Иногда такая шарада подзакрутится... – подполковник открыл коробку „Казбека“, постучал по ней папиросой и неторопливо прикурил. – Насколько мне известно, закоренелые наркоманы не употребляют спиртного. Булочкин – наркоман, а в военкомат пришел пьяным. Упускать его нельзя. Вполне возможно, что этот „граф“ окажется необходимой для нас ниточкой от колодца. Настораживает меня флотская пряжка, пуговица и... моряк Юра.

– Я только что об этом думал, – опять сказал Антон и передал содержание разговора с управляющим аптекой.

– Выходит, неладно у Графа с нервами, – подполковник стряхнул с папиросы пепел, помолчал. – Хотя наркоманы, как и алкоголики, изобретательны до удивительности. Не глотает ли Булочкин мепробамат вместо наркотика?..

С работы Антон уходил поздно. В комнате дежурного у телефона подремывал Слава Голубев. О Булочкине новых сведений не поступило.

6. Заключение экспертизы

Гаврилов явился в райотдел по повестке Славы Голубева, которому Кайров передал дело о «распечатанных» носках, но Антон, встретив его в коридоре, пригласил в свой кабинет, чтобы выяснить, не знает ли бывший мичман кого из моряков по имени Юра. От Гаврилова на три версты несло перегаром, и по кумачовому, с масляными глазами лицу было видно, что, несмотря на раннее время, бывший моряк успел изрядно опохмелиться.

О флотской службе Гаврилов заговорил охотно. Знакомых моряков у него было "тысяча и один". Были среди них и Юры, но никакого отношения к району они не имели. На флоте, включая срочную службу, Гаврилов "оттрубил" пятнадцать лет, а после демобилизации уже четвертый год "тянул лямку" по снабженческой части в райпотребсоюзе. С пьяной откровенностью он признался, что демобилизовали его за "неумеренное употребление антигрустина".

– Судя по вашему поведению, урок, как говорится, не пошел вам впрок, – усмехнулся Антон и строго добавил: – Надо исправляться, мичман.

– Горбатого могила исправит, – басом прогудел Гаврилов и громко расхохотался, будто невеста как удачно сострил.

– В могиле исправляться поздно.

– А сейчас рано. У нас же, снабженцев, как? Не подмажешь – не достанешь. А когда мажешь, и сам намажешься.

– Это до поры до времени. Попадете на глаза начальству...

– Начальству что? Ему давай-давай! Мы ж, снабженцы, как шахтеры, – Гаврилов опять захохотал. – Можно сказать, из-под земли достаем.

Беседу прервал телефонный звонок – начальник райотдела приглашал к себе. Проводив Гаврилова, Антон подошел к окну и закрыл форточку. По стеклу барабанили крупные дождевые капли.

В кабинете начальника кроме подполковника Гладышева, сосредоточенно читающего какой-то листок, сидел Борис Медников.

– Испортилась погодка, – пожав его влажную от дождя руку, сказал Антон. – Не размок, пока к нам шел?

– Не сахарный, – равнодушно проговорил Медников и покосился на коробку "Казбека", лежащую у подполковника на столе. – У нас дождик, как слеза, чистый. А вот мне пришлось читать, что над Лондоном постоянно висит смог. Чуть Всевышний побрызгает, и на тебя будто ведро разведенной сажи вылили.

Подполковник дочитал обратную сторону листа и стал закуривать. Заметив просящий взгляд Медникова, подвинул к нему коробку "Казбека". Медников прижег папиросу, блаженно затянулся и, поперхнувшись дымом, надсадно закашлял.

– Не торопись, Боря, – посоветовал Антон.

– Угощают чем попало... – вытирая появившиеся от кашля слезы, с упреком сказал Медников. – Кто "Памир" подсунет, кто – "Казбек".

Подполковник засмеялся, опять взял бумагу, которую только что читал, и подал ее Антону. Уже мельком взглянув на текст, Антон понял, что это заключение медицинской экспертизы.

Большую часть текста занимали служебные титулы экспертов, перечисление представленного на экспертизу. Само же заключение было лаконичным. Найденные в колодце кости скелета принадлежали мужчине возраста двадцати пяти – тридцати лет, роста – приблизительно один метр семьдесят сантиметров, физически хорошо развитому. Из характерных примет указывались два вставных передних зуба и старая травма голеностопного сустава

правой ноги, на которую при ходьбе мужчина должен был прихрамывать. Особо отмечался пролом черепа.

Но эксперты не смогли установить, произошел он до смерти или после. Кости пролежали в колодце около шести-семи лет. Труп был засыпан теплой влажной землей, поэтому быстро разложился.

Когда Антон дочитал заключение, Медников поднялся и мрачно сказал:

– Я уйду. Мавр сделал свое дело, мавр может удалиться.

– Подожди в моем кабинете, – попросил Антон.

Вторично просмотрев заключение, подполковник отложил его в сторону и неторопливо заговорил, обращаясь к Антону:

– Завтра с утра поезжай в Ярское и займись-ка этим делом по-настоящему. Обязательно поговори со стариком Стрельниковым. Мне думается, если к нему найти подход, он припомнит многое из того, что другие давным-давно забыли. Со всей серьезностью отнесись к показаниям бригадира Ведерникова, который дал задание Столбову засыпать колодец. Учти, Ведерников, опасаясь ответственности за то, что поздно закрыл колодец, возможно, начнет крутить, сваливать на Столбова. Не каждое его слово принимай за чистую монету. Однако и не забывай, что предвзятость навредит расследованию еще больше, – подполковник опять взял листок с заключением экспертизы. – Настораживает земля в колодце. Будто умышленно ее туда засыпали...

– Как со Столбовым быть? – спросил Антон.

– Смотри по ходу дела. Потребуется, допроси официально, с протоколом. Прислушайся, что народ в деревне говорит, но сплетен не собирай. Словом, действуй как работник уголовного розыска. Время пока не ограничиваю, однако резину не тяни. Если преступник местный, нужно не дать ему времени опомниться, если залетный – оперативность и в этом случае не повредит. И еще одно: не настраивай себя, что это – непременно преступление. Иди от обратного. Жизнь полна случайностей.

Когда Антон вернулся в свой кабинет, по оконному стеклу все еще барабанил дождь. Не обратив внимания на хмурое замечание Медникова, что так долго заставляют себя ждать только короли, невоспитанные люди и милицейские, Антон стал собираться в Ярское. Складывая в папку чистые листы протоколов допроса, он спросил Медникова:

– Боря, ты знаком с таблетками мепробамата?

– Покейфовать хочешь? – усмехнулся тот.

– Понимаешь, один тип закупил в нашей аптеке тьму этих самых таблеток. Для чего ему столько могло потребоваться?

– Людские потребности безграничны, – философски изрек Медников. – Лекарство импортное, толком еще не изучено.

– В качестве наркотика его нельзя применять?

– Люди находят лекарствам самое невероятное применение, – с серьезным видом начал Медников. – Недавно приходит на прием ветхая такая старушенция и просит: "Сынок, пропиши каких ни есть противузачаточных таблеток от головной боли". Выпучил я на нее глаза, а она доверительно поясняет: "Внучка, сынок, на выданье, того и гляди принесет подарок в подоле. А с таблетками – милое дело. Дам ей перед вечеркой парочку, у меня и голова не болит".

– Ты анекдоты не рассказывай, – засмеялся Антон.

– Что анекдоты. Обрати внимание, как по осени старушки в аптеках аспирин чуть не килограммами покупают. Знаешь, для чего? В качестве антисептика применяют при мариновании разных там грибочков да огуречков.

– То аспирин, а то импортное лекарство. Не спекуляцией ли пахнет?

Медников небрежно махнул рукой:

– Уж очень ты подозрительно на всех смотришь. В каждом человеке готов потенциального преступника узреть. Мепробамат при употреблении в больших дозах может вызвать расслабление скелетной мускулатуры и состояние вроде шокового. В какой-то степени это заменяет, конечно, наркотик, – сказал он и поднялся, собираясь уходить.

– А что к заключению экспертизы можешь добавить? – задержал его Антон. – Так остроумно написали, что не поймешь, то ли от удара по черепу человек скончался, то ли его живого в колодец сбросили.

– На нашем месте ты не лучше бы сострил. Был бы труп, а то – разрозненные кости.

– Неважные ваши дела, – шутливо посочувствовал Антон.

– Твои, по-моему, не лучше, – в тон ему сказал Медников.

7. Матросское письмо

– Гостиницы у нас нет, – встретив Антона, сказал Чернышев. – Жить у меня в доме будешь, места хватит. Для работы занимай председательский кабинет, все одно мне в нем засиживаться некогда. – И тут же спросил: – Видать, дело серьезное, а?

Антон рассказал об экспертизе. Чернышев долго молчал, по привычке тер седые виски, словно у него болела голова, и наконец задумчиво проговорил:

– Ну, голубчик, загадку наш колодец загадал. Ума не приложу, что там могло произойти. Народ у нас в селе добрый, порядочный. Трудно даже предположить, что кто-то из наших убийство мог совершить. Нет, тут что-то другое, что-то непонятное.

Первым Антон вызвал на допрос бригадира Ведерникова. Он почему-то представлял его важным полным мужчиной с властным характером. На самом же деле Ведерников был высоким худым стариком. Обвисшие с желтизной усы и сросшиеся на переносице два пучка бровей делали его похожим на одного из репинских запорожцев. Для полного сходства Ведерникову не хватало казацкой свитки и шаровар. Записывая в протокол допроса биографические данные, Антон задал стандартный вопрос:

– Раньше судимы были?

– Нет, – хмуро ответил Ведерников и, подумав, уточнил: – Гражданским судом не судим, а под трибуналом был.

– За что? – спросил Антон.

– Фашиста одного не вовремя прикончил.

Ведерников кашлянул и неторопливо стал рассказывать. Всю Отечественную он провел в снайперах. Девятого мая в сорок пятом году, когда война уже кончилась официально и поступил приказ применять оружие только по особому указанию, на его боевом счету не хватало одного фашиста до круглой цифры.

Эту цифру Ведерников не назвал, а сказал только, что он не стерпел такого "недокомплекта" и, несмотря на запрещение, израсходовал еще патрон. Под снайперскую пулю угодил эсэсовский генерал, которого, как потом оказалось, во что бы то ни стало надо было взять живым. За нарушение воинской дисциплины дело младшего лейтенанта Ведерникова разбирали военно-полевой суд.

О колодце Ведерников никаких новых сведений не сообщил. Вопреки предупреждению подполковника, он не стал "крутить" и честно сознался, что дал Столбову распоряжение засыпать колодец только через неделю – а, может, и позже – после того, как из него достали кота. На вопрос: "Мог ли за это время человек случайно упасть в колодец?" – ответил неопределенно:

– Кто его знает... – Задумчиво погладил усы и продолжил: – Сколько лет колодец существовал, никто не падал. Из наших деревенских даже вся ребятня его знала, а из приезжих... человек же не иголка, чтобы исчез и никто этого не заметил.

Держался во время допроса Ведерников спокойно, но порою в его глазах и жестах длинных костистых рук замечалась нервозность, свойственная очень вспыльчивым, несдержанным людям. Говорил он медленно, чуть хрипловато. Чувствовалось, что его настораживает ведение протокольной записи. О Столбове отозвался хорошо:

– Все бы такими работягами были, как Витька, колхоз бы наш по Союзу гремел. – И пояснил: – Я и распоряжение ему на засыпку колодца только потому дал, что Витька безотказный. Другого уговаривать надо, потом проверять – хорошо ли сделал. А этому только скажи – все на совесть сделает. Для примера, такая штука: когда экскаватор сломался и землю грузить в самосвал стало нечем, Витька сам нагрузил бревен, привез и накрыл ими колодец. Другой бы трудодень за это попросил начислить, а Столбов даже не заикнулся.

– А вот на помощь к соседям съездить Маркел Маркелович еле уговорил его, – вспомнив прошлую встречу со Столбовым, сказал Антон.

– Свадьбу человек затевает, подготовиться надо. У него, кроме больной матери, никого нет. Все хозяйство на нем держится. В таком разе любой заартачится.

К концу допроса Антону стало как-то неловко. Сколько раз он слышал и читал о следовательской интуиции, о находчивости и наблюдательности работников уголовного розыска, сколько раз говорили ему, что толково и вовремя поставленный вопрос часто решает судьбу расследования. Антон всячески приглядывался к Ведерникову, мучительно искал этот самый вопрос, но так и не мог его найти.

Егора Кузьмича Стрельникова Антон решил не вызывать для допроса в контору, рассчитывая, что в домашней обстановке разговорчивый старик еще больше разоткровенничается. Жил Стрельников в небольшой крепенькой избенке, в самом конце села. Когда Антон, постучав, открыл дверь в избу, Егор Кузьмич помогал старухе – дородной, по комплекции раза в три солидней его – сматывать на клубок самодельную пряжу. Смутившись немужского занятия, он бросил пряжу на лавку и гостеприимно разулыбался, поглаживая при этом лысую макушку.

– Ты чой-то, старый, ощерился? – сурово спросила старуха. – Спутаешь моток, я ить и при чужом человеке веретеном по лысине огрею!

– Ну-ну! – запетушился Егор Кузьмич. – Человек пришел не иначе при исполнении обязанностей. Чем грубить; лучше оставь одних – служебный разговор, как понимаю, при посторонних не ведется.

– Это я тебе, старый, посторонняя?

– Андреевна, ты очень даже часто неправильно меня понимаешь. Пришел товарищ офицер из милиции, пришел, как понимаю, ко мне, и, возможно быть, у нас состоится очень даже серьезный разговор.

– Только бы и чесал язык, трепач старый, – проворчала старуха, но пряжу отложила. – Вы, товарищ милиционер, – обратилась она к Антону, – шибко ему не верьте. Смолodu трепачом был, а к старости совсем рехнулся.

Старуха сердито ухмыльнулась, не спеша подошла к русской печи, взяла пустое ведро и, выходя из избы, будто сама себе проговорила:

– Сурьезный разговор у него, видишь ли, может состояться. Трепач, ну трепач...

– С норовом баба, – смущенно поглаживая макушку, Стрельников кашлянул. – Никакого такту не знает, один конфуз от нее.

И захлопотал возле Антона, приглашая сесть на узенькую лавку у стола.

Антон повесил на вбитый в дверной косяк гвоздь фуражку.

– Я ведь, Егор Кузьмич, пришел насчет колодца. Кроме уже рассказанного, ничего не припомнили?

– Слышь-ка, а?.. – Стрельников пораженно развел руками. – Даже имя-отчество мое помнишь! Что ни говори, городской житель отличается от деревенского. Деревенский он ить без прозвищев не может. И худому человеку прозвище даст, и хорошему. До чего Маркел Маркелович – душевный председатель, а и его прозвали Головой. Голова – прозвище, ясно дело, не плохое, однако все ж таки есть прозвище.

Антон не перебивал старика, и тот говорил взахлеб. Только через несколько минут он вдруг осекся и смущенно сказал:

– Стало быть, антересует колодец. Дак, пожалуй, нового ничего сказать не могу. Прошлый раз, слышь-ка, всю правду-матку изложил, – Егор Кузьмич на секунду замялся, кашлянул: – Сбрехнул самую малую толику – по части ермаковских воинов. А почему сбрехнул? Опять же из-за любопытства своего. Меня ужас как антересует с умным человеком говорю или с глупым. Умный сразу брехню определит. Вот прошлый раз ты приметил, что Ермак в

нашенских местах не воевал. К тому же с первого раза запомнил мое имя-отчество. Стало быть, мужик ты – неглупый, хотя и молодой. С тобой по-серьезному надо вести разговор. А глупому подряд городи, он всему поверит. Так вот, чтобы тебя не заблуждать, скажу: которые перед Отечественной войной из Новосибирска были, искали в курганах не ермаковских воинов, а поселения древнего человека.

– Меня интересует, кто мог оказаться в колодце? – вставил Антон.

– Дак мне ж самому эта история никакого покоя не дает! – воскликнул Егор Кузьмич. – Страсть любопытно, какого бедолагу туда занесло. Никто ж у нас в округе не терялся, Андреевна моя не даст соврать...

– Вы до пенсии в колхозе работали? – стараясь перевести разговор ближе к делу, спросил Антон.

– Нет, слышь-ка, не в колхозе, – с гордостью ответил Егор Кузьмич. – Трудился я два десятка годов в министерстве связи. По-деревенски говоря, письмоношцем был.

– Все новости знали?

– А то как же! Любая корреспонденция, – он с трудом выговорил это слово, – в Ярское через меня доставлялась. И хорошие сообщения, и плохие...

Упоминание о прежней работе вызвало у Егора Кузьмича грусть, и он опять отклонился от интересующей Антона темы.

– Бывалочи, принесешь весточку неграмотному, тот с просьбой: "Прочти, Кузьмич". Сообщение хорошее – чарку подаст, плохое – вместе погорюешь. Девчата, бывалочи, тоже встречают: "Письмишка нет, Кузьмич?" Передашь весточку от жениха, плясать перед тобой готовы. Нужный обществу я человек был, за то и Кузьмичом величали. Сейчас же, кроме как Слышкой, никто не зовет.

– Не помните, в тот год, когда колодец закрыли, гостей в Ярском никто не ожидал? – ухватившись за неожиданную мысль, спросил Антон.

В избу вошла старуха, загремела у печки ведром. Она услышала вопрос и опередила гладившего в раздумье лысину Кузьмича:

– В нашем селе гостей со всех волостей. Летом у нас благодать, со всех городов родственники на отдых съезжаются.

– А такого не было, чтобы пообещал кто приехать и не приехал?

– К нам все приезжают. До райцентра едут поездом, а оттуда до Ярского на машинах. Правда, автобусы к нам не ездят, зато грузовиков и легковушек попутных полно. Чего к нам не приехать-то?..

– А к Агриппине Резкиной внук Юрка сколь годов обещал приехать? – ехидно ввинтил Егор Кузьмич. – И до этих пор не приехал.

– Эх чо, старый, вспомнил! Внук – отрезанный ломоть. Чего ему у старухи делать?

Узнав, что Резкина живет неподалеку от Стрельниковых, Антон собрался идти к ней, но Егор Кузьмич запротестовал. Ободренный разговорчивостью и, видимо, хорошим настроением своей старухи, он осмелел:

– На стол бы накрыла, Андреевна, что ли. Гостю, по сибирским обычаям, перекусить полагается.

Антон стал отказываться, но старуха обидчиво посмотрела на него:

– Или мы нелюди какие? Думаете, ежели старики-пенсионеры, то и на стол подать нечего?

Егор Кузьмич вскочил с места и засуетился по избе.

– Не стриги ногами! – прикрикнула на него старуха. – Сама управлюсь.

Из русской печи она быстро достала чугунок с наваристой похлебкой, выставила на стол большую миску мяса и крупно нарезанные ломти деревенского хлеба. Еда источала такой аромат, что у Антона засосало под ложечкой.

Старуха оглядела стол, откинула крышку окованного железом старинного сундука, порылась в его глубине и торжественно достала бутылку водки.

– С майских праздников казенка осталась, – сказала она и первый раз в присутствии Антона невесело улыбнулась. – К нам-то со старым никто не наезжает. Безродные мы, всю жизнь вдвоем мыкаемся.

– Андреевна у меня золото! – при виде бутылки воскликнул Егор Кузьмич.

– Ежели б не гость, я тебя озолотила бы, – проворчала старуха.

Антон хотел отказаться от водки, но побоялся обидеть "безродных стариков", к которым "никто не наезжает". От Стрельниковых он ушел под вечер. Хотел сразу пойти к Резкиной, но за околицей, у Потеряева озера, слышался звонкий разнобой ребячьих голосов. Чтобы проветриться, Антон пошел к озеру. Ребятишки, отчаянно брызгая друг на друга водой, купались. Озеро было широким и длинным. В его середине чернела низкая полоска острова, закрывая расположенную на противоположном берегу Березовку – деревню, в которой Антон родился и вырос. "Интересно, доплыл бы я сейчас до острова?" – подумал Антон и, расстегнув форменную тужурку, сел на пахнувший разнотравьем берег. Вспомнилось, как в детстве вот так же целыми днями не вылезал из озера, а мать, чтобы не плавал далеко от берега, почти каждый раз, уходя утром на работу, пугала холодными донными родниками, которые судороги сводят руки и ноги.

Антон лениво перебирал в памяти болтовню Егора Кузьмича. Пока сидели за столом, старик вспоминал что попало, но упорно избегал ответа на вопрос, почему именно тринадцатого сентября он ушел на пенсию. "Подожди, старый краснбай! Все расскажешь"… – самоуверенно подумал Антон, поднялся, застегнул тужурку и пошел к Агриппине Резкиной.

Резкина – низенькая, полная старушка – встретила настороженно, даже испуганно. Антон не раз замечал в людях затаенную робость при встрече с работниками милиции и всегда недоумевал – отчего эта робость возникает.

Почти полчаса толковал он со старушкой на различные житейские темы, прежде чем она прониклась к нему доверием. Мало-помалу Резкина разговорилась и рассказала, что "унучек Юрка служит коло самой Японии, на острове Сахалине".

– Письма от него часто получаете? – спросил Антон. – Приехать к вам внук не соби-
рался?

– Денег я ему не дала, – призналась Резкина. – Шибко Юрка моциклет с люлькой хотел купить, а я пожадничала. Ругаю теперь себя за жадность, да что поделаешь. Обиделся унучек, с тех пор и писать перестал, и домой не едет. До армии-то со мной жил, родители его рано померли.

– У вас писем не сохранилось?

– Где-то на божничке последнее письмо лежало. Сама я неграмотная. Слышка каждый раз мне читал, он тогда письмоносцем у нас работал. Много уж годов с того времени минуло.

Старушка подошла к нахмурившейся в углу избы почерневшей иконе, достала из-за нее серый от пыли конверт и подала Антону.

– Вот такие все письма унучек слал. Наместо почтовой марки печатка трехугольничком поставлена, – пояснила Резкина. – А счас уж какой год ни слуху ни духу не подает. Хочу в розыск послать, да все не соберусь упросить кого, чтобы написали куда там следует.

"Матросское" – прочитал на треугольном штампе Антон, быстро взглянул на адрес отправителя и почувствовал, как от волнения кровь прилила к лицу.

"Резкин Юрий Михайлович", – было написано ниже номера воинской части.

Письмо, начинавшееся трафаретно "Во первых строках...", занимало тетрадную страничку. Резкин писал, что служба кончилась, и через несколько дней он уже полностью станет гражданским. Упоминался и мотоцикл: "А денег ты зря, бабуся, пожалела. Привез бы я отсюда новенький "Урал" с люлькой. В Ярском таких мотоциклов днем с огнем не сыщешь,

а тут есть возможность купить. Ну да ладно – на бабку надейся, но сам не плошай. Заработаю, тогда и куплю".

Письмо было отправлено 1 сентября 1966 года. За тринадцать дней до того, как забросили культстановский колодец.

8. Жених-заочник

Дом Чернышева стоял в центре села, рядом с клубом. Добротный, под шиферной крышей, он выделялся среди других таких же домов ярко-зелеными резными наличниками. Видимо, предупрежденная о приезде сотрудника милиции жена Чернышева – полнеющая, но моложавая на вид, – встретила Антона гостеприимно, как давнего знакомого.

– Екатерина Григорьевна, – подавая руку, отрекомендовалась она и провела Антона в отведенную ему комнату.

Никелированная кровать, застеленная узорным покрывалом; письменный стол с высокой стопой фотоальбомов; этажерка, плотно забитая книгами, да крепкой работы стул составляли всю обстановку комнаты. Над столом в узкой черной раме висела почти метровая фотопанорама села, на переднем плане которой Антон сразу узнал дом Чернышева.

– Сын снимал, – пояснила Екатерина Григорьевна, заметив, как Антон с интересом разглядывает фотографию. – Институт недавно закончил, сейчас инженер.

Сам Чернышев, с утра мотавшийся на "газике" по колхозным полям, вернулся домой поздно. Гремя во дворе рукомойником и шумно фыркая, долго отмывался от пыли и так же долго растирал полотенцем обнаженное до пояса мускулистое тело. Пригладив ладонью седой ежик волос, он повернулся к вышедшему на крыльцо Антону и строго спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.